

Ольга Корневская
(Минск)

Особенности Западнорусского возрождения (на примере периодической печати)

Белорусская историческая наука сделала грандиозный шаг вперед, признав тот факт, что в межвоенный период Западная Беларусь (в границах II Речи Посполитой Польской, 1921-1939 гг.) переживала настоящее возрождение¹, затронувшее буквально все стороны общественно-политической и культурной жизни. Таким образом, расширились географические рамки третьего этапа белорусского национального возрождения². Фундамент для него был подготовлен всем предшествующим развитием белорусской нации и общественной мысли в рамках различных государств и периодов безвластия.

Даже при беглом знакомстве с социо-культурными изменениями в жизни белорусской нации по обе стороны советско-польской границы замечается огромное количество аналогий. Но, не смотря на всю кажущуюся схожесть, Западнорусское возрождение

¹ Г. Сурмач, *Нацыянальна-адраджэнскі рух у Заходняй Беларусі і праваслаўная царква*, [у:] *Наш радавод*, Гродна 1992, кн. 4, ч. 3, с. 709-716; В. Н. Гліна, *Пытанні гуманізму ў нацыянальна-адраджэнчым руху Беларусі*, [в:] *Духовно-ценностныя арыентіры масовых дзействаў людзей*, Гродно 1992, ч. 2, с. 160; У. Конан, *Пакутнікі за веру і бацькаўшчыну*, [у:] Ю. Гарбінскі, *Беларускія рэлігійныя дзеячы XX стагоддзя*, Мінск — Мюнхен 1999, с. 677-690.

² В 1993 году философ В. Конан назвал три этапа Белорусского национального возрождения, последний из которых, 20-е годы XX века, охватывает лишь Советскую Беларусь. См.: У. Конан, *Беларускае нацыянальнае Адраджэнне*, [у:] *Беларусіка = Albaruthenika*, Мінск 1993, кн. 1, с. 31.

имело ряд ярких отличительных черт, обусловленных геополитическими и внутривнутриполитическими факторами. Они проявились как в ходе самого процесса, так и в роли интеллигенции, других социальных слоёв общества, форм и средств государственного вмешательства, о чем речь пойдет ниже. В данной статье автор поставил задачу выделить эти особенности в сравнительном анализе с Восточнобелорусским возрождением, являющимся на сегодняшний день достаточно изученным. В качестве иллюстрационного материала к тезисам используются примеры из истории развития прессы, в силу своей многофункциональности наиболее ярко отразившей изменения, наступившие в 20-30-е гг.

Белорусская нация, искусственно разделенная границей, оказалась составляющим элементом в структуре новообразовавшихся государств: СССР и II Речи Посполитой и возрождение белорусской нации в межвоенный период шло на фоне масштабного государственного строительства. В обоих случаях возрождение стало возможным благодаря политическим, социально-экономическим преобразованиям общества. Но принципиальным является различие политического уклада двух государств: если Советский Союз формировался изначально как тоталитарное государство, то Речь Посполитая избрала принципиально иной путь, демократический.

Появление демократического законодательства Польского государства стало основой развития процессов возрождения не только титульной нации, но и национальных меньшинств. Уже первая Конституция II Речи Посполитой 1921 года гарантировала ряд демократических свобод. Среди прочих, декларировались свобода слова, свобода вероисповедания, а так же, в параграфе 105, свобода печати. Конституция налагала определенные обязательства на законодательную и исполнительную власть. Необходимо было обязательно согласовывать вопросы уголовного, процессуального и административного права, касающиеся прессы и идущие вразрез с принципами свободы слова, а так же обязательную доработку закона, ограничивающего свободу печати. Права прессы опирались на гарантии свободы распространения газет и журналов, избавленных от цензуры и системы концессий на издательскую деятельность. В связи с этим газету формально мог основать любой человек, отвечающий требуемым в параграфе 23 Конституции условиям³. Каждый, кто хотел бы открыть собственную газету или журнал, всего лишь должен был заполнить соответствующую декларацию, где указывались имя и адрес ответственного редактора и другие, чи-

³ Подробнее об этом см.: A. Paczkowski, *Prasa Polska w latach 1918-1939*, Warszawa 1980, s. 11-12.

сто информационные данные. Именно на него в дальнейшем и возлагалась вся ответственность за издание, в том числе — судебная. Впрочем, административные органы имели право отказать в принятии заявки по некоторым причинам, число которых постепенно увеличивалось, особенно после 1926 года.

На деле гарантии печати, не подкрепленные на протяжении длительного периода становления государственности специальными правовыми актами, регулирующими эти права, не были исчерпывающими. Положение усложнилось после майского переворота 1926 года и принятия конституции 1935 года, когда фактически было провозглашено строительство авторитарного государства.

И все же, именно либеральное законодательство первых лет строительства Польского государства открыло дорогу для появления самых разнообразных изданий, и выделению целой группы белорусских газет и журналов, а так же возможности использовать периодику, как в пропагандистских, так и просветительских целях.

Наиболее благоприятным для развития прессы в Польше, что особенно ярко проявилось не только в центральных воеводствах, но также и на белорусских землях стали годы „демократического парламентаризма” (1921-1926). В восточных воеводствах число белорусских изданий выросло за короткий срок с 6 наименований (в 1921 году) до 14 (в 1926 году)⁴. Однако необходимо отметить, что рост числа новых газет и журналов сопровождался ростом числа закрывавшихся. И причины тому были не всегда экономические.

Дело в том, что в Речи Посполитой, ровно, как и в СССР, белорусы находились в статусе национального меньшинства. При неурегулированности правовой базы и недостаточном обеспечении правовых гарантий это могло стать, и в конечном счете стало, причиной ущемления прав и свобод, невозможностью в полной мере воспользоваться конституционными завоеваниями. Что касается Польши, то одна из причин такого положения, как это не парадоксально, крылась в самой Конституции, точнее даже в термине „Речьпосполита Польска”, где содержался намек на доминирование в государстве польского элемента. Правда, во избежание недоразумений с национальными меньшинствами, во второй статье Конституции оговаривалось, что власть в государстве принадлежит народу и рядом со словом „народ” не было прилагательного „польский”. Не смотря на гарантию в статьях 109 и 110, того что принадлежность к национальным меньшинствам не ведет к потере прав и свобод, связанных с принадлежностью к „народу”, они

⁴ K. Gomółka, *Białorusini w II Rzeczypospolitej*, [w]: „Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia”, nr XXXI, Gdańsk 1992, s. 116.

официально констатировали положение: народ един, группы меньшинств — это только национальности⁵.

Подобная двусмысленность в законодательстве открывала путь для дискриминации национальных меньшинств. Неоспоримым является тот факт, что ни одна нация на территории восточных воеводств Польши не подвергалась такой дискриминации со стороны правительства и столь усиленной полонизации, как белорусы.

Особенно ярко это проявилось в области периодической печати. Помимо конституционных запретов, появлялись элементы превентивного, т.е. предварительного контроля (к числу которых относятся, например, конфискация газет до их распространения). Правительство проявляло завидное рвение в деле противоборства прогрессивным тенденциям развития белорусской прессы. Белорусские послы сейма неоднократно поднимали вопросы преследования периодической печати. Только с 1922 по 1926 год ими было направлено 6 запросов, непосредственно касавшихся газеты „Кругіса”. Но, пожалуй, самым обстоятельным был запрос послов Клуба крестьянско-рабочей громады по делу о возрастающем преследовании белорусской прессы, в частности — конфискации газет. В нем отмечалось, что „ни в одном случае из всех (...) решение правительственного комиссара не было объявлено во время, показанное в официальных „Przepisach prasowych”, а так же указывалось на факты установления слежки за подписчиками⁶. В запросе приводились и конкретные цифры по конфискации газет: с декабря 1922 года по 15 ноября 1925 года было конфисковано 49 номеров пятнадцати наименований западнобелорусских газет⁷. Конфискации были одним из самых лёгких и, как тогда казалось многим, действенных способов борьбы против национального движения.

Часто редакции белорусскоязычных изданий даже не пытались выяснить повод, послуживший причиной закрытия или временной приостановки работы газеты, а приступали к немедленному

⁵ Подробнее с этой точкой зрения можно ознакомиться в статье: A. Ławniczak, *Ewolucja pojęcia „naród” w polskich konstytucjach*, [w:] „Acta Universitatis Wratislaviensis. Prawo”, 1992, nr 1290, s. 142-144.

⁶ *Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у Польскі Сойм, 1922-1926 г.г.*, [у:] *Зборнік дакументаў аб панскіх гвалтах, катаваньнях і зьдзеках над сялянамі і рабочымі ў Заходняй Беларусі*, Мінск 1927, XXXII, с. 354-355.

⁷ Там же, с. 353. В интерпретации С. В. Говина эти цифры выглядят следующим образом: по инициативе правительства только за два с половиной года (1923-1925) было закрыто 15 периодических изданий, конфисковано 50 из 300 выпусков газет (С. В. Говін, *Друк Заходняй Беларусі (1921-1939)*, Мінск 1974, с. 7).

изданию газет под новым названием. Так, например, поступила Белорусская революционная организация (БРО), когда в январе 1923 года был закрыт ее партийный орган — еженедельная газета „Наша будучыня”, на страницах которой освещались темы освободительного движения на территории Западной Беларуси, деятельность Белорусского посольского клуба в сейме, вопросы экономического развития Польши, состояния белорусской школы, организация кооперативного движения, соцстрахования. За неполные два месяца существования газеты вышло 9 номеров, из них 2 было конфисковано.

После закрытия „Нашей будучыні” БРО стала издавать с периодичностью три раза в неделю „Вольны сцяг” (5.06 — 25.10.1923). Но из-за преследований властей Польши и эта газета выходила под разными названиями: „Наш сцяг”, „Падняты сцяг”, „Сцяг”, „Сцяг народа”, „Вольны сцяг”, „Сцяг волі”, „Воля народа”.

Даже министр внутренних дел Хенрик Юзевски, известный гонимыми на украинскую интеллигенцию и борьбой с украинизацией церкви во время нахождения на посту волынского воеводы, в своем обращении к воеводам (январь 1930) заметил, что административные власти не проявляют надлежащую гибкость в выборе средства воздействия на издания и слишком часто прибегают к административным и уголовным наказаниям⁸.

Вопреки противодействию польского правительства, усматривавшего в белорусском возрождении угрозу целостности государства, оно было возможным во многом благодаря польскому возрождению⁹. Прогрессивная польская интеллигенция, в том числе Зофья Налковская, Анджей Струг, Стефания Семполовская, поддержала белорусскую в стремлении последней к изучению родного языка, борьбе за автономию¹⁰. В то же время, белорусское возрождение, будучи инициированным, в первую очередь, потребностями нации, выходило далеко за рамки общепольского. А прессинг со стороны польского правительства способствовал еще большей активизации борьбы за самоопределение и культурное разви-

⁸ Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее: AAN). Ministerstwo Spraw Wewnętrznych w Warszawie 1918-1939, sygn. 984, s. 3.

⁹ Подробнее об этом см.: В. Каранеўская, *Уплыў польскага нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва на развіццё беларускай культуры на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд*, [у:] *На шляху да праўды: Матэрыялы VIII Міжнар. навук. канфер. „Шлях да ўзаемнасці” (Бела-веша, 15-17 чэрв. 2000 г.) і „круглага стала” „Ідэя беларускасці і ідэя польскасці на мяжы тысячагоддзяў: да вызначэння паняццяў” (Мінск, 6-7 верас. 2000 г.)*, Мінск 2001, с. 26-35.

¹⁰ С. Ф. Мусиенко, *Творчество Зофьи Налковской*, Минск 1989, с. 88-119.

тие. Это лишний раз подтверждает вывод о том, что „дух нацыянальны заўсёды мацнейшы і чысцейшы ў народаў прыгнечаных”¹¹.

Таким образом, в отличие от Восточной Беларуси, где ход белорусизации координировался из единого центра, предварительно выверялся, проходил идеологическую подготовку и имел статус правительственной программы, в Западной Беларуси правительство не оказывало покровительства начинаниям в области национального просвещения и культуры.

Белорусская пресса также могла рассчитывать лишь на собственные силы, в то время как проправительственная пользовалась материальными дотациями. Правительственная опека заключалась в создании ряда налоговых льгот, финансовой поддержки путем размещения платных рекламных объявлений, помощи в распространении газет.

Примером правительственной поддержки официозных изданий может служить история издательской деятельности Общества пограничной стражи (Towarzystwo Straży Kresowej, далее — TSK). Главное управление TSK в Варшаве имело издательский отдел с представительствами в других городах, в том числе и в Вильно. Через эту структуру централизованно начала проводиться пропагандистская кампания с использованием средств массовой информации. В 1918-1922 гг. TSK выпускало 26 изданий, в том числе 4 ежедневных, выходивших на территории „кресов восточных”, а так же 4 — на языках национальных меньшинств — русском, украинском, белорусском и литовском. Все издания общества были убыточными, но поддерживались из политических соображений не только деньгами, но и бумагой. После отмены правительственной помощи работа TSK постепенно стала сворачиваться. Большинство изданий были закрыты, некоторые переданы другим партиям и движениям¹².

Не случайно, на рынке информационных услуг Западной Беларуси доминировали частные газеты: во второй половине 1925 г. в Вильно из 37 периодических изданий 34 были частными¹³. Не имея государственной поддержки, не имея, подобно еврейской или русской прессе, эмигрантской поддержки, белорусская пресса оставалась экономически слабой. Поэтому на протяжении всего межвоенного периода актуальным оставался вопрос о создании ежедневной белорусской газеты.

¹¹ І. Абдзіраловіч, *Адвечным шляхам: даследзіны беларускага светапогляду*, Вільня 1921, с. 34.

¹² А. Notkowski, *Polska prasa prowincjonalna Drugiej Rzeczypospolitej (1918-1939)*, Warszawa — Łódź 1982, с. 321-322.

¹³ „Савецкая Беларуць”, 9.10.1925.

Вместе с тем, десятилетия материальных трудностей, опыт работы в нестабильной политической и экономической ситуации дали белорусской прессе некоторые преимущества, научив приспосабливаться к сложным условиям.

Подобно советскому, польское правительство, предоставляя ряд уступок нацменьшинствам, преследовало исключительно прожектерские цели, заботясь о своей репутации на международной арене. Но желание обоих государств выглядеть демократическими и в полном смысле цивилизованными, учитывающими интересы всех национальностей, принесло определенную пользу развитию белорусской культуры, общественно-политической жизни и периодической печати.

Различной была реакция белорусов на политическую правительственную линию в области культуры. В Восточной Беларуси долгое время наблюдалась эйфория, вызванная открытием Инбелкульта, БГУ, Академии Наук. Сохранялась видимость искренних устремлений советской власти помочь белорусскому народу в формировании самосознания. Во многом это было связано с предварительной идеологической подготовкой (июль 1923 — июль 1924) и активной практической реализацией намеченного курса в последующие четыре года¹⁴.

В отличие от восточных соседей, деятели национальной культуры и политики „кресов” в большинстве своем не питали больших иллюзий по поводу истинных целей польского правительства. Они не пели дифирамбы руководству государства за предоставленные Конституцией права. „Мушу сказаць, што польскае грамадства не прынесла нашаму народу на „крэсах” вялікай культуры”¹⁵, — с сеймовой трибуны заявил Бронислав Тарашкевич и требовал: основания белорусской учительской семинарии, субсидирования белорусской начальной школы, свободы распространения газет. Западнобелорусская интеллигенция точно знала, за что нужно бороться в сфере образования и культуры, расходилась только в путях и средствах достижения целей.

Еще одной особенностью Западнобелорусского возрождения было то, что оно имело трехвекторную ориентацию. К первому вектору можно отнести ориентацию на Польшу, что отразилось и на издательской сфере. Так, периодическая печать ориентировалась на польскую, в некоторой степени конкурируя с ней, в том числе

¹⁴ А. С. Кароль, *Белорусизация: 20-30-е годы*, „Советская Белоруссия”, 27.03.1989.

¹⁵ Б. Тарашкевіч, *Прамова на 30-м Пасяджэнні Сойма 23 сакавіка 1923 года*, [у:] Б. Тарашкевіч, *Выбранае*, Мінск 1991, с. 99.

— за сферу влияния. По отношению к польскоязычной пресса белорусскоязычная выступала чаще как оппозиционная. Большинство белорусских публицистических статей, так или иначе, затрагивали вопросы, поднятые на страницах польской прессы, и создавали противостояние официальной пропаганде. За это белорусские газеты подвергались частым критическими нападкам со стороны правых польских и эндэчких изданий.

С другой стороны, многие общественно-политические деятели межвоенного периода как, например, Василь Рагуля и Фабиан Яремич, стоявшие во главе Белорусского крестьянского союза (БКС) считали, что у Западной Беларуси должна быть своя дорога.

Программа БКС содержала ряд радикальных демократических требований. В национальном вопросе ставилось требование создания независимой Беларускай Республікі путем объединения всех белорусских земель. Газета „Сялянская ніва” (6.12.1925 — 7.07.1930), официальный орган БКС, издавалась в Вильно на белорусском языке два раза в неделю. Издателем являлся Ф. Яремич. Наряду с материалами общественно-политического характера газета печатала литературные произведения, советы по ведению хозяйства, культивировала белорусские крестьянские традиции, выделяясь ярко выраженной ориентацией на сельского читателя.

В целом межвоенная белорусская пресса держалась достаточно обособленно. Так, белорусские издания не пожелали войти в Польский союз провинциальной прессы (Polski Związek Prasy Prowincjonalnej), организованный в Варшаве в 1918 году.

Для некоторых деятелей Западнобелорусского возрождения весьма привлекательна была советская модель белоруссизации. А реалии того времени позволяли общаться с представителями восточнобелорусской интеллигенции, литераторами, поэтами, учеными, публицистами и журналистами. Многих из них связывали долгие годы дружбы и общие идейные истоки.

Так, известный общественно-политический деятель того времени Б. Тарашкевич под руководством будущего члена Бюро ЦК КП(б)Б, министра просвещения БССР Всеволода Игнатовского ещё в 1919 году читал лекции в минском пединституте. Долгое время одиозумцем и соратником Антона Луцкевича был будущий академик АН Беларуси Язэп Лёсик.

По обе стороны границы интеллигенция активно участвовала в процессе консолидации белорусов в нацию. Кульминационным моментом в налаживании контактов интеллигенции двух соседних держав стала минская конференция по правописанию, проходив-

шая 14-21 ноября 1926 года. После чего опустился „железный занавес”, а налаженные связи в 30-е годы почти прекратились¹⁶.

Огромное количество белорусских газет и журналов было сориентировано на Восток. Это послужило одной из причин постоянных преследований прессы и самих деятелей национального возрождения со стороны правительственных органов и местной администрации. Примером может служить громадовская газета „Жыццё беларуса” (19.08 — 12.11.1925), где в отдельной рубрике размещалась информация о государственном строительстве и культурной жизни в БССР. Из 20 номеров газеты 5 было конфисковано. После ее закрытия польскими властями, продолжательницей традиций стала „Беларуская ніва” (с 18.11.1925). По сложившейся традиции газета печатала новости из БССР, обзоры театрального и изобразительного искусства Советской Беларуси. Из 35 номеров, 4 было конфисковано¹⁷. 16 марта 1926 года она так же была закрыта.

В то время как на территории Восточной Беларуси существовала одна руководящая коммунистическая партия, в Западной действовало огромное количество партий, большинство из которых имело национальную окраску: от правой Белорусской Часовой Рады, до радикальных, таких как Белорусская партия социалистов-революционеров или Белорусская революционная организация.

С 1919 по 1923 год ведущим центром общественно-политической жизни белорусов в Вильно был координационный центр национального движения — Национальный комитет во главе с А. Луцкевичем. По данным на 1923 год в него входило 24 представителя различных партий и общественно-культурных, студенческих, гимназических организаций, представителей периодической печати, выдвигавших требования независимости белорусского народа. БНК финансировались некоторые начинания в области периодической печати¹⁸.

После выборов в Сейм 1922 г. депутатская фракция в нём организовала Белорусский посольский клуб (существовал до 1930 г.), куда входили 11 послов, беспартийные и представители практически всех партий Западной Беларуси: БСДП, партии белорусских эсеров, независимых социалистов. Белорусский посольский клуб (БПК) отстаивал социальные и национальные права белорусского народа, занимал положение оппозиции в польской государственной политике, был солидарен с другими национальными меньшин-

¹⁶ *Залог единения — правда (беседа с В. Калесником)*, „Неман”, 1992, № 9, с. 161.

¹⁷ J. Traczuk, *Prasa białoruska w II Rzeczypospolitej (1918-1939)*, [w]: „Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria”, XIII, 1992, s. 262.

¹⁸ K. Gomółka, *Białorusini w II Rzeczypospolitej*, Gdańsk 1992, s. 80.

ствами в национальных вопросах и со всеми демократическими силами Польши в социальных делах. В разное время в изучаемый период БПК издавал газету „Беларуская доля” (1925), „Бюлетэнь Беларускага пасольскага клуба” (1925), „Бюлетэнь пасольскага клуба Беларускай сялянска-работніцкай грамады”, „Справазданне Сеймавага клубу БСР Грамады”.

После раздела Белорусского посольского клуба, не вошедшие во фракцию БСРГ послы-белорусы создали Белорусский национальный клуб. В него вошли Белорусский крестьянский союз, Христианская демократия и беспартийные. Из информационного издания МВД „Белорусские политические группировки в Польше, 1 апреля 1927 г.” видно, что к концу 20-х гг. наиболее активно заявили о себе Национальный белорусский комитет, Белорусская крестьянско-рабочая громада, Белорусский крестьянский союз, Белорусская христианская демократия, Белорусская национальная рада¹⁹.

„Палітычная барацьба, калі яе весці паспяхова, патрабуе грошай, грошай і яшчэ раз грошай”, — пишет в своих воспоминаниях посол сейма В. Рагуля. Для чего же нужны, по его мнению, деньги в первую очередь? „Для выдавання газэтаў, лістовак, на аплату супрацоўнікаў газэтаў (...), на арганізацыю прэсовых прадстаўніцтваў”²⁰.

Известно, что наличие многопартийной системы является не только одним из важнейших показателей демократичности государственного устройства, но и служит основой расширения рынка периодических изданий, развитию конкуренции внутри этого рынка.

Одной из главных особенностей Западнобелорусского культурного возрождения было то, что оно проходило под лозунгами национального освобождения. Более того, влиятельными политическими партиями этот процесс рассматривался лишь как ступенька на пути к независимости, политическим изменениям. Возрождение было политизировано. Примером тому может быть то, что почти все издания были связаны с политическими партиями или организациями. Белорусской коммерческой прессы в тот период не было²¹.

Важно сказать еще об одной характерной особенности белорусского возрождения 20-х годов. Движущей силой этих процессов была национальная интеллигенция²², интеллигенция, вышедшая из деревни. И это было закономерно, ибо сама „беларуская куль-

¹⁹ AAN, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych w Warszawie 1918-1939, sygn. 1060, s. 1.

²⁰ В. Рагуля, *Успаміны*, Мінск 1993, с. 38.

²¹ Е. Mironowicz, *Prasa białoruska pod okiem rosyjskiej i polskiej cenzury*, „Białoruskie Zeszyty Historyczne”, 1996, nr 1 (5), s. 72.

²² З. Шыбека, *Этапы навукова-асветніцкай дзейнасці беларусаў у Новы час (XIX-XX стст.)*, [у:] *Беларусіка = Albaruthenika*, Мінск 1993, кн. 1, с. 62.

тура змушана была „перарастаць” на вясковай глебе, дзякуючы чаму змагла зберагчы сваю першапачатковую ўласнасць і своеасаблівую гарманічнасць”²³.

Политик и ученый Б. Тарашкевич, легендарный руководитель хора Рыгор Ширма, поэты В. Струмень, П. Севрук и М. Василёк, поэт-ксендз Я. Былина, художники Я. Горыд и П. Южык, как и многие другие деятели культуры и политики были самородками, вышедшими из среды, в которую потом вернулись вести свою просветительскую и пропагандистскую деятельность, в среду, где именно они могли быть поняты и востребованы.

Возможно, только такая интеллигенция, опирающаяся на свежую силу в лице крестьянства, могла взять на себя смелость решения столь сложной задачи, как необходимость разбудить самосознание в „национально неразвитом индифферентном белорусском обществе” (В. Калесник)²⁴. Возможно, именно отсутствие подпитки из деревни было причиной того, что в XIX веке белорусское национальное возрождение шло крайне медленно, не смотря на существование потенциальной социальной базы — белорусской шляхты, и до конца столетия оставалось явлением исключительно эфемерным и почти неуловимым²⁵. Ситуация изменилась на рубеже XIX и XX веков, когда источником рекрутации стала белорусская деревня²⁶.

Ю. Пилсудский охарактеризовал белорусскую интеллигенцию как „немногочисленную”, имевшую низкий интеллектуальный и моральный уровень²⁷. Столь уничижительная общая оценка интеллигенции, имевшей в своих рядах выпускника Киевской духовной академии С. Павловича, доктора философии, поэта и литературоведа И. Дворчанина, выпускника Варшавского университета, талантливого драматурга и редактора Ф. Олехновича, выпускника Виленской духовной семинарии К. Стаповича и Петербургской митрополитальной академии А. Станкевича, критика и философа В. Самойлу, активного деятеля культуры и политики А. Луцкевича, и других продиктована была, скорее всего, конъюнктурными соображениями.

²³ А. А. Трусаў, *Мы не станем суверэннай незалежнай нацыяй, пакуль не аб'яднаемся вакол ідэі нацыянальнага Адраджэння інтэрв'ю ўзяў А. Андруховіч*, „Беларуская мінуўшчына”, 1993, № 3, с. 39.

²⁴ У. Калеснік, „Толькі праўда” ці толькі догма, „ЛіМ”, 1988, 29 ліпеня, с. 7.

²⁵ Ю. Туронак, *Ваша нацыянальнасць*, „Нёман”, 1992, № 12, с. 163.

²⁶ А.А. Трусаў, *Мы не станем суверэннай незалежнай нацыяй*, с. 62; У. Філякоў, *Нацыянальная інтэлігенцыя і самасвядомасць беларусаў (канец XIX — пачатак XX ст.)*, [у:] *Беларусіка = Albaruthenika*, Мінск 1992, кн. 2, с. 139.

²⁷ Цит. по: А. Вабішчэвіч, *Нацыянальная школа ў Заходняй Беларусі (1921-1939)*, „Беларускі гістарычны часопіс”, 1994, № 2, с. 42.

Интеллигенция во II Речи Посполитой вообще составляла незначительную часть населения. В Западной Беларуси её численность, по данным М. Космана, не превышала 2%²⁸. Лишь часть от этого числа — количество представителей интеллигентских профессий еврейской и польской национальностей была достаточно значительной — составляли белорусы. Но отличительной чертой этой интеллигенции было её высокое национальное самосознание, разносторонняя одаренность, высокая патриотичность.

Новой интеллигенции принадлежали газеты и журналы, на страницах которых дебютировали народные, в смысле происхождения и сферы признания, писатели и поэты, а так же активно печатались классики.

Судьба национальной интеллигенции Западной Беларуси и Восточной Беларуси была одинаково трагична, трагична вдвойне: большинство сельского населения не смогло оценить усилий интеллигенции в области культуры, а заплатить за активную общественно-политическую позицию многим пришлось своей жизнью. Негативным так же было то, что постепенно понятия „социальное” стало отождествляться с понятием „национальное”²⁹.

Об участии духовенства Восточной Беларуси в возрожденческом движении в условиях насаждения атеистической идеологии не могло быть и речи. К моменту вступления Красной Армии в Западную Беларусь там действовало 700 церквей и свыше 200 костелов, в то время как в Восточной — не более десятка³⁰.

По мнению А. Стаповича, Западнобелорусское возрождение шло по двум направлениям: без учета и с учетом религиозных идеалов³¹. Уникальная поликонфессиональная ситуация, а так же давнее противостояние православия и католицизма в условиях усиления акции униатской создали неповторимый фон рассматриваемых процессов. На территории Польши католический клир традиционно обладал огромным влиянием не только в сфере религиозной, но и светской жизни: „Як ведама, у Польшчы каталіцкае духавенства аказвае ад самага пачатку існавання ўваскрэсенае Польшчы, як і сотні гадоў назад, вялізарны ўплыў на ўсё дзяржаўнае жыццё” (газета БПК „Беларуская доля”)³².

²⁸ M. Kosman, *Historia Białorusi*, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk 1979, s. 326.

²⁹ Я. Запрудник, *Об одном историческом предрассудке*, „Нёман”, 1993, № 7, с. 126-127.

³⁰ Ю. В. Шевцов, *Особенности социально-политической структуры и геополитического положения Беларуси*, [в:] *Belarus — Monitor. Демократические процессы в Беларуси: основные тенденции и противоречия*, 1997, февраль, с. 58.

³¹ A.I.S., *V.Ch.D.*, „Bielaruskaja Krynica”, 1927, № 36.

³² „Беларуская доля”, 25 сакавіка 1925, с. 2.

Отсюда — популярность христианских партий и организаций в межвоенной Польше. Пять крупнейших партий II Речи Посполитой обращались в своей деятельности к католицизму. Но христианская демократия даже в пределах одного государства не была однородна. Связано это было главным образом с эволюцией костельной позиции от полной аполитичности до активного участия в общественно-политической и культурной жизни общества³³. Кроме того, если в целом христианская демократия воспринималась как составная часть пропагандистского аппарата Костела³⁴ и „болела польским господствующим национализмом”³⁵, то западнобелорусская хадеция воспринималась скорее как сила, подрывавшая позиции польского костёла на „кресах”. „Католическая часть, которой руководили белорусские ксендзы, крепко держалась ориентации на самих себя”³⁶.

Белорусская христианская демократия (БХД) в своих политических программах подчёркивала светский характер партии. Но, исходя из тезиса о том, что белорусский народ глубоко религиозен, БХД видела основную свою опору в лице верующих христиан: „Мы никого не отбрасываем, ни католиков, ни православных белорусов, и всех принимаем под своё демократическое знамя”³⁷. Не случайно, созданное в 1927 году Православное демократическое объединение сотрудничало с БХД. Призыв к объединению православных и католиков белорусов звучал неоднократно, в том числе и на съезде представителей БХД в 1928 году³⁸. Главным требованием партии являлась независимость белорусского народа в его этнографических землях. „Дэзалам маім ёсьць незалежная Беларусь”, — говорил один из виднейших деятелей хадеков, посол сейма, издатель и публицист А. Стапович³⁹ (1894-1934).

Активную позицию демонстрировали ксендзы и на сеймовой трибуне. Выступая против гонений на белорусских ксендзов Шутовича, Гадлевского и Рамейки, кс. А. Стапович заявил буквально следующее: „Выглядае, што быццам мы жывем у Гонолюлю, а не ў дзяржаве канстытуцыйнай”⁴⁰. Близость католического белорус-

³³ Т. Мальчарек, *Пресса в политической системе общества (на примере Польши 1918-1939 гг.)*, Москва 1991, с. 46, 48.

³⁴ W. Mysiek, *Kościół katolicki w Polsce w latach 1918-1939*, Warszawa 1966, s. 447.

³⁵ „Biełaruskaja Krynica”, 1927, № 14. Возможно, автором приведенных строк был тогдашний главный редактор газеты Павел Каруза.

³⁶ В. Рагуля, *Успаміны*, с. 40.

³⁷ „Biełaruskaja Krynica”, 1927, № 40.

³⁸ Там же, 1928, № 54.

³⁹ *Прамова дэп. Кс. А. Стаповіча ў Сейме дня 28.IV*, „Беларуская доля”, 1925, 6 траўня.

⁴⁰ Там же.

ского духовенства к общественным устремлениям белорусского народа „приводило к радикализации этого клира и репрессий со стороны государства и властей костёла”⁴¹.

Большинство тех, кто активно участвовал в белорусском возрождении, связывали годы дружбы и совместного обучения в стенах духовной семинарии в Вильно, находившейся тогда под руководством архиепископа Эдварда фон дер Роппа, известного приверженца белорусского языка в костелах. В приятельских, даже дружеских, отношения были между собой Язэп Германович, Адам Станкевич, Виктор Шутович, Казимир Сваяк, Цыпрыян Лазовский, Михал Бобрик и др.

Орган хадеков „Кругіца” (с 1925 г. — „Biełaruskaja Kругіца”, издавался с перерывами с 1917 до 1940 г.) имел общественно-политическую, а с течением времени — все более выраженную литературную направленность. Адам Викентьевич Станкевич (1891-1949)⁴², которого десятки лет спустя активный деятель межвоенного национально-освободительного движения В. Рагуля охарактеризовал как одного из „самых сумленных людзей з сялянскай псыхалёгіяй”⁴³, являлся не только вдохновителем, но и долгое время издателем газеты. В разное время её редакторами были В. Знамяровский, Б. Туронюк, Т. Войцехович, П. Каруза, Я. Пазыняк, А. Дасюкевич⁴⁴. На страницах газеты печатались А. Станкевич, Х. Ильяшевич, Я. Былина и другие литераторы. Газета активно отстаивала идею независимости Беларуси, выступала в защиту прав белорусов (№ 14 за 1924 год „Кругіцы” был конфискован за корреспонденцию с местечек Дукшты и Свирь Свенянского повета⁴⁵) и белорусского костела, помещала информацию о деятельности Белорусского сеймового клуба, посольские интерpellяции и материалы с судов над участниками национально-освободительного движения. Не случайно, в 1928 году, во время суда над деятелями Громады, виленский архиепископ запретил читать газету белорусам-католикам и, в первую очередь, ксендзам⁴⁶. В межвоенный период, по подсчетам автора, газета конфисковывалась не менее 24 раз⁴⁷, а в 1937 году и вовсе была закрыта.

⁴¹ В. Мыслэк, *Беларускае пытанне ў каталіцкай публіцыстыцы II Рэчы Паспалітай*, [у:] *Беларусіка = Albaruthenica*, Мінск 1994, кн. 3, с. 255.

⁴² В статье А. Вабишчевича ошибочно указан год рождения 1892. См.: А. Вабишэвіч, „...беларусы маюць законы толькі на паперы...”, „Беларускі гістарычны часопіс”, 1995, № 2, с. 107.

⁴³ В. Рагуля, *Успаміны*, с. 22.

⁴⁴ J. Traczuk, *Prasa białoruska w II Rzeczypospolitej*, s. 261-262.

⁴⁵ *Інтэрпелляцыі беларускіх...*, с. 96-97

⁴⁶ А. Сидоревич, *Антон Луцкевич*, „Неман”, 1990, № 7, с. 56.

⁴⁷ Основой для подсчетов явилась публикация С. Жынкиной и изменения, внесенные сотрудином Национального Архива Республики Беларусь (далее:

В то время как православный клир был более многочисленным на „кресах восточных”, он внес куда менее заметный вклад в дело возрождения. На то было несколько причин. Одна из них состоит в том, что большинство православных священников сохраняло лояльные отношения к польским властям. Этот факт во многом объясняется тем, что православная церковь была традиционно тесно связана с госаппаратом⁴⁸.

Вторая — традиция. Католическое духовенство еще в начале века (центр — Петербургская католическая академия) активно выступало за реформирование костела, что было связано с упоминавшимся выше притоком в ряды интеллигенции свежих крестьянских сил.

Третья — возможности, которые предоставляло государство, в котором господствующей религией был католицизм. Хотя польское правительство противилось белоруссизации, но официально католицизм поддерживался, в том числе и ассигнованиями на Виленскую католическую семинарию, которая, в конечном счете, выпустила из своих стен ярких сторонников реформ⁴⁹. У православного духовенства на территории Польши таких условий не было.

Однако, и в православной среде были и те, кто, выступал за проведение реформы, отвечающей нуждам широких народных масс и росту национального самосознания, за налаживание духовных и национальных связей с народом, за белоруссизацию церкви. Среди них: светский общественный деятель, публицист, журналист Всеволод Бильдюкевич, сенатор, кандидат богословских наук Вячеслав Богданович, настоятель Снопшского прихода и преподаватель закона божьего в Виленской белорусской гимназии Александр Ковш, ставший впоследствии редактором православного журнала „Беларуская зарніца” (1928-1929), священник, один из инициаторов создания в Вильно СвятоТроицкого белорусского православного товарищества и ТБШ Михаил Плис (1858-1924), один из основателей Белорусского научного товарищества, священник Михаил Голенкевич (1852?-1924), а также Т. Верниковский, С. Сарока, М. Маскалик, С. Широкий, В. Шутович, А. Шышко.

По мнению исследователей Ю. Лабынцева и Л. Щавинской, „белоруссизация православной церкви в Польше сводилась в основном к попытке использования белорусского языка в религи-

НАРБ) А. Н. Гесь. См.: С. Жынкiна, *Зводны каталог вiленскiх беларускiх газет, выдадзеных у 1917-1940 i выяўленых у бiблiятэках, архiвах, музеях i прыватных калекцыях г. Мiнска*, [у:] *Вяртанне* —2, Мiнск 1994, с. 193-207.

⁴⁸ Э. Зайкоўскі, *Роля канфесійнага фактару ў нацыянальнай свядомасці беларусаў*, [у:] *Беларусіка = Albaruthenika*, Мiнск 1992, кн. 2, с. 269.

⁴⁹ У. Конан, *Пакутнікі за веру...*, с. 681-688.

озном обучении, при произнесении проповедей в церкви, выпуске различных церковных изданий”⁵⁰. Первые попытки проповедования на белорусском относились к 1926-27 годам и носили спорадический характер⁵¹.

Не смотря на то, что вопрос участия православного духовенства в общественной и культурной жизни края, в издательской деятельности в целом стал, наконец, предметом специальных исследований⁵², деятельность в сфере именно периодической печати все еще остается недостаточно изученной.

В феврале 1925 года стало издаваться церковно-народное периодическое издание „Праваслаўны Беларус”⁵³. Редактором был Я. Пачопка, художественным оформителем Я. Драздович⁵⁴. По мнению Е. Трачука, несмотря на то, что оно выходило в Варшаве, его можно с полным правом отнести к группе западнобелорусских изданий, т.к. на его страницах уделялось много внимания проблеме использования белорусского языка в церкви, школе и печатались статьи западнобелорусских авторов⁵⁵. За статьи, критикующие правительственную политику против белоруссизации церкви газета была закрыта в декабре 1925 года⁵⁶. И только 1 октября 1927 года благодаря усилиям протоиерея Л. Голода в Вильно вышло в свет издание „Праваслаўная Беларусь”. Журнал Православного белорусского демократического объединения отстаивал права белорусского народа на самоопределение, бесплатное начальное образование и, главное, — право пользоваться родным языком в церкви. На страницах журнала помещались материалы о деятельности Громады, а так же Белорусского сеймового клуба, информация о ходе предвыборной кампании. Некоторые номера издания были конфискованы, а в 1928 году оно и вовсе перестало существовать.

О роли Громады в деле культурного возрождения белорусского народа за последнее десятилетие вышло много новых публикаций. Громада, возникшая в 1925 году по инициативе левой фракции БПК

⁵⁰ Ю. Лабынцев, Л. Щавинская, *Православная литература Польши (1918-1939 гг.)*, Минск 2001, с. 21.

⁵¹ К. Gomółka, *Próby białoruskiej Kościoła prawosławnego w Polsce międzywojennej*, „Obóz”, 1992, № 3, s. 79

⁵² Ю. Гарбінскі, *Беларускія рэлігійныя дзеячы...*, сс. 752; Ю. Лабынцев, Л. Щавинская, *Православная литература Польши...*, сс. 304.

⁵³ Подробнее о нем см.: J. Traczuk, „*Prawosławna Białoruś*” jako organ *Prawosławnego Białoruskiego Zjednoczenia Demokratycznego*, „*Slavia Orientalis*”, t. XXXVIII, 1989, nr 3-4, s. 543-562.

⁵⁴ А. Ліс, *Праваслаўны беларус*, [у:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т.*, Мінск 1999, т. 5, с. 557.

⁵⁵ J. Traczuk, *Prasa białoruska w II Rzeczypospolitej*, s. 218, 300.

⁵⁶ К. Gomółka, *Białorusini...*, s. 124.

во главе с Б. Тарашкевичем, за короткий срок выросла в самую крупную революционно-демократическую организацию в Европе. Насчитывая, по различным оценкам, от 100 до 150 тысяч членов, она к началу 1927 года фактически установила контроль над многими районами края⁵⁷. Программа Громады носила радикальный характер⁵⁸. Этот и некоторые другие факты из истории её деятельности послужили поводом, вслед за монархической виленской газетой „Slowo” в лице главного редактора В. Студницкого⁵⁹, оценить её как „экспазітуру, прыкрыццё КПЗБ”⁶⁰.

Организация оказала огромное влияние на все стороны общественной и культурной жизни города и деревни. Не безосновательно, пристально следивший за положением дел на белорусских землях, полномоченный НКВД А. Ульянов писал, что интеллигенция идет за Громадой, за исключением разве что Новогрудчины, „где орудует сам Рагуля”, и далее: „Белорусские культурные организации, не смотря на всевозможные выходки со стороны польских властей, продолжают свою работу”. С удовлетворением отмечает А. Ульянов, что в большинстве культурно-просветительских организаций „все руководство находится в руках Громады, которая осуществляет это достаточно твёрдо”⁶¹.

Помимо прочих начинаний данная организация, явилась инициатором рождения новой волны левой прессы. Только в течение 3-х месяцев: с июня по август 1926 года, появилось 8 наименований изданий, инспирированных громадовским движением⁶².

Громадовские газеты „Жыццё беларуса”, „Беларуская ніва” и „Беларуская справа” выходили раз в неделю тиражом от 2 до 3 тысяч экземпляров, „Народная справа” и „Наша справа” выходили дважды в неделю тиражом 5 тыс. Общий тираж газет в начале 1927 г. превышал 10 тыс. экземпляров⁶³.

О роли коммунистической партии в громадовском движении ярко свидетельствует история газеты „Беларуская ніва”. На протя-

⁵⁷ По мнению профессора Б. С. Клейна именно столько было членов партии, и 400 тысяч ей сочувствовали. См.: Б. Клейн, *Западная Белоруссия: от иллюзий к реальности*, „Неман”, 1989, № 9, с. 127-128.

⁵⁸ *Праграма і арганізацыйны статут Беларускай сялянска-рабочай Грамады*, Вільна 1926, с. 1-12.

⁵⁹ А. Ліс, *Браніслаў Тарашкевіч*, Мінск 1966, с. 117.

⁶⁰ А. Кротаў, *Гуляня ў незалежнасць*, „Беларуская мінуўшчына”, 1995, № 4, с. 49.

⁶¹ НАРБ, ф. 242, оп. 1, д. 86-а, л.10.

⁶² E. Miłonowicz, *Prasa białoruska...*, s. 72-73.

⁶³ Е. Я. Емяльянава, М. А. Ракевіч, *Роля друку Беларускай сялянска-рабочай Грамады ў барацьбе за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне ў Заходняй Беларусі (1925-1927 гг.)*, „Вестці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя грамадскіх навук”, 1973, № 1, с. 70.

жении 1925-1926 года выходила она один раз в три недели. Её номинальным редактором был Ян Марциневский, фактическим — член КПЗБ Янка Бабрович. 18 февраля 1926 года датировано письмо советского посла А. Ульянова с грифом „Совершенно секретно” в Представительство КПЗБ, где он дал характеристику подконтрольной партии газеты: „Дружественный нам орган „Белорусская Нива” значительно поправился и последние его номера и по своему содержанию и по слогу значительно лучше предыдущих. В то же время он усиленно ведёт теперь полемику с Селянским Союзом и хадеками”⁶⁴. В письме от 26 февраля Загорный добавляет: „Я согласен с тем, что она была здорово скверная, но последнее время, мне кажется, она изменилась”, „они хотят взять на Беларускую Ниву концессию от имени Белорусской Громады и сменить при этом редакционный состав”⁶⁵. После закрытия „Беларуской нивы”, долгое время не могли наладить издание новой газеты из-за отсутствия подходящей кандидатуры на должность главного редактора, и вынуждены были ограничиваться выходом однодневок⁶⁶.

Ликвидация Громады в 1927 году повлекла за собой не только кризис в издательском деле, но и в белорусском общественно-политическом и национально-освободительном движении в целом. Образно говоря, „стадо оказалось без поводыря”. Проба Антона Луцкевича и Радослава Островского создать массовую организацию, альтернативную Громаде в лице Центрасаюза с согласия правительства окончилась совершенным провалом. Еженедельник „Наперад” — орган Центрасаюза не пользовался популярностью в белорусских политических кругах, обвинялся в пропольской пропаганде. Однако, по мнению польского историка Е. Мироновича, подобный вывод (о прогосударственной направленности) на основе печатных материалов, помещавшихся в газете сделать трудно. А конфискации некоторых номеров скорее свидетельствуют об обратном. Гнев со стороны Советского Союза и предвзятое отношение со стороны советских историков во многом был вызван тем, что в печатном органе Центрасаюза большое внимание уделялось теме преследований интеллигенции в БССР⁶⁷.

Коммунистической партии Западной Беларуси суждено было сыграть весьма значительную роль в белорусском возрождении. Она на определённом этапе поддерживала Громаду и ТБШ, активно занималась издательской деятельностью, способствовала нала-

⁶⁴ НАРБ, ф. 242, оп. 1, д. 86-а, л. 9.

⁶⁵ Там же, л. 21.

⁶⁶ Там же, л. 46.

⁶⁷ E. Mironowicz, *Prasa białoruska...*, s. 73.

живанию научных и культурных контактов за рубежом. Сегодня в исторической науке роль КПЗБ в национально-освободительном движении оценивается не однозначно и не подлежит сомнению, что многое было сделано в духовной и культурной сфере жизни белорусов благодаря усилиям её активных членов.

В результате принятого в 1924 году курса на увеличение в партийной прессе удельного числа изданий на белорусском языке, уже к концу года были достигнуты определенные успехи. В результате большая часть белорусских изданий того периода либо принадлежала партии, либо контролировалась ею. В изданиях КПЗБ помещались актуальные и злободневные статьи, которые не брались печатать другие редакции: о полонизации административными методами, проблеме языка в церкви... Основным партийным органом была газета „Чырвоны сяг”. Не смотря на сложности подпольной работы, в газетах КПЗБ помещалась достаточно точная информация с городов и деревень. Своевременности появления новостей и репортажей с мест события способствовала централизованная структура построения партии⁶⁸, разветвленная сеть корреспондентов и просто заинтересованных лиц.

Прокоммунистическая пресса не только идеологически, но и материально поддерживалась КП(б)Б, а так же минским Бюро помощи Компартии Западной Беларуси. В 1924 году Бюро приняло решение ежемесячно выделять 4 тыс. рублей на издательскую деятельность в Западной Беларуси и 500 рублей на содержание Виленской гимназии⁶⁹. В том же 1924 году Бюро приняло решение о субсидировании органа Белорусского сеймового клуба „Сялянская праўда” в размере 600 долларов ежемесячно. Не смотря на возмущение некоторых членов партии тем фактом, что субсидии предназначались газете, в которой „нет никакого прокоммунистического настроения даже”, „ сумма эта показалась (...) несоразмерной той роли, какую этот орган играет в революционном белорусском движении”⁷⁰, ЦК КПЗБ постановил добиваться дальнейших субсидий на орган, прибегая, в том числе, к помощи Компартии Польши⁷¹. В 30-е годы КПЗБ субсидировала „Летапіс ТБШ” („Беларускі летапіс”).

Сами коммунистические подпольные газеты, однако, не всегда соответствовали современным полиграфическим требованиям. Часто листовки и газеты печатали на гектографах, пишущих машин-

⁶⁸ Там же, с. 72.

⁶⁹ У. Ладыеў, *Цяжкі шлях выпрабаванняў*, „Беларускі гістарычны часопіс”, 1994, № 1, с. 83.

⁷⁰ НАРБ, ф. 242, оп. 1, д. 38-а, л. 45.

⁷¹ Там же, л. 46.

ках, писали от руки. В среднем тираж коммунистических газет колебался где-то на уровне 3-6 тысяч экземпляров⁷². Труден был их путь к читателю.

Коммунистическая пресса была призвана показать на примере Советской Беларуси притягательность социалистического государственного устройства, где учитывались интересы всех наций. Об этом стремлении восточного соседа Польши притянуть на свою орбиту белорусские и украинские народы, в частности, писал в своей книге „*Odrodzenie Polski*” (1928) итальянский посол Ф. Томмасини⁷³.

Поэтому именно против изданий славянских меньшинств и коммунистических в первую очередь были направлены атаки властей, усматривавших в белорусских газетных статьях, призывавших народ к борьбе за автономию, независимость, самоопределение прямую угрозу целостности государства. Не случайно, в 1924 году из 99 депутатских запросов Отдела прессы Министерства внутренних дел 56 интерpellаций приходилось на Украинский клуб, 18 — на коммунистическую фракцию, 8 принадлежало Белорусскому клубу, 6 — еврейскому колу⁷⁴.

Наряду с использованием нелегальных газет, выходивших в подпольных типографиях (ни одна из которых, кстати, так и не была найдена полицией), коммунисты широко использовали легальные средства массовой информации.

Состояние дел существенно изменилось в период, когда Ю. Пилсудский выбрал линию на сближение с СССР. В 1933 году в Вильно было позволено издавать легальную коммунистическую прессу „Беларускую газету”, „Асву”, альманах „Літаратурная старонка”⁷⁵. Но период потепления отношений длился не долго. И вышеперечисленные газеты были закрыты уже в 1934 году.

Межвоенное возрождение было прервано искусственно. В Речи Посполитой с течением времени, особенно после майского переворота, все изощреннее становились методы борьбы с самим белорусским возрождением и с его представителями. Установление авторитарного режима, а затем события 1939 года окончательно разрушили надежды на свободное развитие национальной культуры. В Советской Беларуси компания по разоблачению т.н. национал-демократизма и сфальсифицированное дело „Союза освобождения

⁷² Н. А. Ракевич, *О распространении подпольной коммунистической печати в Западной Белоруссии (1924-1929 гг.)*, „Весті АН БССР. Серыя грамадскіх навук”, 1969, № 3, с. 36.

⁷³ F. Tommasini, *Odrodzenie Polski*, Warszawa 1928, s. 49.

⁷⁴ A. Paczkowski, *Prasa polska...*, s. 12-13.

⁷⁵ У. Калеснік, *З хронікі Заходнебеларускага супраціўлення*, „Полымя”, 1995, № 3, с. 139.

Беларуси” фактически положили конец политике белоруссизации. Правительства обеих стран не могли допустить расцвета культурной и духовной жизни национальных меньшинств на окраинах. Демонстрация благих намерений в решении национального вопроса так и осталась только декорацией истинных намерений.

Что касается свободы слова, она никогда в межвоенное двадцатилетие не была полной и безоговорочной. В роли „дозатора свободы слова” выступало государство.

Само влияние периодической прессы на широкую общественность было ограничено так же в силу низкого уровня грамотности потенциальных потребителей прессы. Но, не смотря на это, уникальность межвоенного возрождения как раз и состоит в том, что ему удалось втянуть на свою орбиту огромное количество людей из „низов”.

Современная историческая наука стоит на пути более детального и глубинного изучения сложного и противоречивого межвоенного двадцатилетия.

Streszczenie

Polityczne i socjalno-ekonomiczne zmiany w odrodzonym po I wojnie światowej państwie polskim sprzyjały rozwojowi różnych kultur. Kultura białoruska po obu stronach granicy polsko-radzieckiej znajdowała się w diametralnie różnym położeniu. Nie przeszkadzało to jednak w jej rozwoju. W II Rzeczypospolitej proces ten związany był z rozwojem polskiego życia ekonomicznego, narodowego i politycznego. Najlepiej widać to na przykładzie losów prasy białoruskiej. Jej wpływ na społeczeństwo białoruskie, mimo występowania licznych periodyków, był niewielki ze względu na niski poziom edukacji i ubóstwo potencjalnych odbiorców. Proces odrodzenia życia białoruskiego był jednak faktem. Ogarnął on masę ludzi z nizin społecznych, których problemy te nigdy wcześniej nie absorbowały. Współczesna nauka jest na dobrej drodze dokładnego zdefiniowania zjawisk zachodzących w sferze białoruskiej kultury w okresie międzywojennym.